

Бездны и Высоты

ВЛАД БУРЦЕВ

Влад Бурцев
Бездны и Высоты.
Поэтический нарратив
о жизни и любви. Тери.
Грустная повесть о собаке

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67798665

Бездны и Высоты. Поэтический нарратив о жизни и любви. Тери.

Грустная повесть о собаке / Влад Бурцев: BooksNonStop; Санкт-

Петербург; 2022

ISBN 9785996520596

Аннотация

В книгу вошли стихи из сборников: «Дежавю» (2006 г.), «Осколки» (2009 г.), а также ранее не издававшиеся произведения. В однотомник включена повесть «Тери».

Содержание

Бездны и Высоты	5
Предисловие	5
За муки вечные душевного томленья	8
Отсутствие. Небытие	9
Дежавю	10
Дымит костер в пещере неолита	12
Философия жизни	15
Ты идешь по траве и по лужам	17
Письмо из Санкт-Петербурга	19
Небо сеет крупу на асфальте	21
Утро	22
Червяк и философия	24
Мальчик пишет на снег	27
Я ухожу, мне дома не сидится	29
Осень в городе	30
Здесь женщины без юбки и без блузки	32
Я родился сегодня, Осенью	34
Кого оплакивает ночь?	35
И сегодня мы гладиаторы	36
Люди из прошлой жизни	37
День рожденья	38
А первый дождь, как первый снег	39
Из тучи, силой наливающейся в бури	40

Вот первый утренник. Туман	41
Русская зима	42
Снежинки	44
Настроение	45
Как миг остановить?	47
Екатеринбург — Москва	48
Русь	51
Муза Эрато	54
Прозябать, не зная рая	56
Я тебя не искал на огромной планете	57
На школьной вечеринке	58
Письмо	59
Уходят женщины	61
Мы изменяем	63
Любовники (женское)	66
Любить — великое счастье	67
Я тебе прощаю все разлуки	69
Паранойя	70
...И ног волнует белизна	72
Ноктюрн	75
Недоступна она...	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Влад Бурцев
Бездны и Высоты
Поэтический нарратив
о жизни и любви
Тери
Грустная повесть о собаке

Бездны и Высоты
(Лирика, из ранних,
катрены, проза)

Предисловие

(О стихах Влада Бурцева)

Книга стихов Вада Бурцева написана как бы на одном дыхании. Она и воспринимается, как нечто цельное, выдержан-

ное в полиреферентном плане: здесь и лирический сюжет, эмоционально-личностный, со своими каденциями, подъемами, спадами; и разнообразие микро жанров (элегия, миниатюра, бытовая сценка, песня, сонет); и широта тематики (любовь, эротика, философия, публицистика, сатира).

*Алексей В. Подчиненов, доцент филологии,
член Союза журналистов*

Поэтический дар Влада позволяет ему видеть окружающий мир сквозь призму своего тонкого, острого мировосприятия. Поэзия Влада всегда стремится ввысь, до края, до надрыва. Поэт честен перед собой, перед миром, и это вызывает ответное доверие.

Рустам Саитов, член Союза писателей России

Новый сборник показывает, что автор имеет свой неповторимый поэтический голос, его стихи самобытны и узнаваемы. Импонирует жанровое многообразие данной книги — от философских размышлений, до глубоко интимной лирики. Стихам Влада присуща эпическая широта, вмещающая в себя сложные и психологически противоречивые стороны социального и индивидуального бытия личности. Отдельные стихи воспринимаются как эпатажные, и где-то «хулиганские», но при этом не покидает ощущение, что каж-

дая строка выстрадана, искренна, бескомпромиссна и находит отклик в самых сокровенных уголках души читателя.

*Юрий А. Ермаков, профессор,
академик Российской Академии социальных наук,
Доктор философских наук*

Влад Бурцев интуитивно, подчиняясь просодии, языковой музыке стиха, неостановимой образности и неожиданным мыслям, возникающим в строфах по «велению Божьему», движется вперед — кажется, что куда-то вдаль, прочь от надоевших будней, а на самом деле — к себе. К себе — исконному, настоящему, природному, не зависящему от пустопорожного, перенабитого мелочами быта; к себе — чистому, а главное, абсолютно честному...

*Юрий В. Казарин, доктор филологических наук,
председатель правления Екатеринбургского отделения
Союза писателей России*

За муки вечные душевного томленья

За муки вечные душевного томленья
На нас нисходит божья благодать —
На белом полотне рукою провиденья
Своей судьбы картину написать.

01.12.15

Отсутствие. Небытие

Отсутствие. Небытие.

Чтоб не иметь, чтоб отказаться,

Уйти в себя, чтоб не казаться.

Свобода где-то в пустоте.

Без женщин, без любви, измены,

Фальшивой дружбы, без врагов,

Без умников и дураков.

Быть и не быть —

Каприз Вселенной.

Дежавю

Наш мир непонятный, запутанный, сложный —

Себя я на мысли ловлю:

Что все уже было и ветер тревожно

Стучался в окно.

Дежавю.

У мамы на ручках в коротких штанишках:

— А правда, я тоже умру?

— Зачем ты об этом? Ну, что ты, глупышка,

Тебе еще жить.

Дежавю.

Бантик, веснушки — девчонка из детства,

Нагая. Шалея, смотрю.

«Потрогай, не бойся». Колотится сердце,

И губы к губам.

Дежавю.

Плетение кружев под ситцевым платьем,

Снимая, я их оценю.

И два наших тела безумным распятьем,

И кровь на спине.

Дежавю.

Щека на плече, поцелуй в полудреме
И сонное — нежно — «люблю».
Биенье часов в притаившемся доме,
И капает кран.
Дежавю

Вдруг зеркало на пол упало, разбилось.
Над ним ты гадаешь судьбу.
Я все это помню, а может быть, снилось...
И пахло Весной.
Дежавю.

Но вот я в каком-то ином измеренье
У края над бездной стою.
Шагнул — и в полете, а может в паденье...
Опять на краю.
Дежавю.

Дымит костер в пещере неолита

Дымит костер в пещере неолита.
Там, в заскорузлых пальцах дикаря
Из глины, как из пены Афродита
Рождалась человечества Заря.

Пусть первый шаг наивный, неумелый.
И все ж Венера — женственности суть,
Явила бедра — плод запретный спелый,
И вождельем пышущую грудь.

В чем тайна творчества, источник вдохновенья?
В стремленье бренной плоти пережить
И тлен веков, и темноту забвенья,
Бессмертие в искусстве воплотить?

В чем тайна совершенства линий, звука?
Быть может в промысле великого творца?
Жрецы Египта, инки и наука
Алхимика, схоласта-мудреца

Ответ искали, истину искали.

А гений грезил, мучился творил.
В нем космосы рождались, умирали,
Он новую Вселенную кроил.

Он дерзкою мечтой взмывал Икаром к Солнцу
И падал опален, и всеми был гоним.
Тщеславен, одинок и символ благородства,
Он смертных презирал, он их боготворил.

.....

Они являются — богини вдохновенья,
Как отсвет первобытного костра,
Как вспышка, как полет, как озаренье —
Гармония любовь и красота.

Он в нас живет, тот первобытный гений,
Который у пещерного огня
Нес чудо красоты в холодный мрак Вселенной,
Гармонию и смысл сквозь хаос бытия.

Философия жизни

Бытие и ничто. Свет и тьма.
Жизнь и смерть.
В чем секрет мироздания?
Философии мудрой исканья
Хоть темны, но изящны весьма.
Где начало, где жизни венец.
Мысль пытливая ищет истоки.
И откуда все наши пороки?
И какой уготован конец?

Все постигнуть, понять, а зачем?
Чтобы стать хоть немного мудрее,
Или лучше, немного добрее,
Чтобы просто исчезнуть совсем?

За спиной мгла прочитанных книг.
Жизни быстрой паденья и взлеты.
Из песка оказались высоты.
И абсурд прячет финиша миг.

Ты идешь по траве и по лужам

Ты идешь по траве и по лужам,
А вокруг все счастливый народ.
Только ты никому не нужен:
Ни дурак, ни злодей, ни урод.

Это сладкое слово — свобода.
Это счастье — ты просто один.
Полюби себя — часть народа —
И поймешь, что Ты господин

Бесконечного звездного неба,
В камышах притихшей зари.
Дай бездомной собаке хлеба,
У ребенка слезу утри.

Научись же быть одиноким,
Сама себе станешь бог и судья.
Ни изменой, ни словом жестоким
Этот мир не поранит тебя.

Письмо из Санкт-Петербурга

Начало января. В Санкт-Петербурге дождь.
Я под зонтом гуляю вдоль Фонтанки,
Оттачивая дактиль и хорей, улыбчивых японцев танки,
А ты во Франкфурте Абсент с друзьями пьешь.

За блеском золота грусть ветхой старины,
Печальный взгляд домов с обшарпанным фасадом.
Лебяжий ручеек, что рядом с Летним садом
Подернулся ледком — намек смешной Зимы.

В Кунсткамере был совершенно зря.
Игра природы, или божья кара.
В Пробирках, колбах призраки кошмара,
Иль поиск совершенства бытия...

А в Петропавловской из бронзы существо,
Достойное кунсткамеры творенье;
По мысли вуайериста воплощенье
Величия Руси, то, что с Петром возшло.

В соседстве с усыпальницей Петра

Поют мужчины в рясах в стиле рока,
Нас, как бы, отвращают от порока
Во славу Бога нашего Христа.

Пестрит гирляндами ночной Санкт-Петербург.
На Невском толпы праздных и бегущих,
А на Конюшенной, где пышки для не пьющих,
Там неформалы брали на испуг.

Я потрясен величием дворцов,
Напором невских вод, блестящих чешуею;
Парение мостов, крик чаек над волною —
И дерзостью мечты великих проотцов.

Но словно наяву увидел вдруг,
Как в топях гибельных, болотах
Весь этот европейский шик
Тесал, кроил простой мужик,
Кровавым поливая потом.
Он в камни эти врос, в гранитный Петербург.

01.2020

Небо сеет крупу на асфальте

Небо сеет крупу на асфальте
В неприглядную лужную муть.
Вся природа в сахарном марте
Буд-то хочет чуть-чуть вздремнуть.

Трубы цедают лениво талость,
Нерешительно замер ручей.
Подождал бы апрель хоть малость —
И природе побыть ничьей.

Утро

Озорным щенком бежит трамвайчик,
Как-то кандибобером в восход.
Как окурок, под забором мальчик
Из бутылки газировку пьет.

С рюкзаками хмуры, терпеливо
Ждут трамвая, курят рыбаки.
Мальчик носом шмыгает сопливо.
Гаснут звезды словно угольки

Город серый зябко и дремотно
Кутается в утренний туман.
Девочки щебечут беззаботно,
Покидая стайкой ресторан.

Бомж опухший щерится беззубо,
Под глазами гладит синяки.
Вот трамвайчик радостный безумно
Звонко набегает от реки.

Город просыпается, а мне бы

Поскорее в теплую постель.

Эта ночь прошла, как сказка-небыль.

От чего же тошно так теперь?

19.03.07

Червяк и философия

Ну, вроде бы, какой пустяк —
Попался под ногу червяк.

Но мне испортил настроенье —
Он тоже божее творенье.

Я не желал ему вреда.
Была, мне помнится, среда.

Дождь моросил, и на асфальт
Он выполз. Я не виноват.

Я шел домой, а может, нет.
Не в этом суть, но я во след

Смотрел прекрасной незнакомке.
А тут и он, как после ломки,

Ползет бессмысленно и тупо

Навстречу смерти. Это ж глупо.

Я не буддист, и я Ахимсу
Не исповедовал. Вот крысу

Прибил бы твердою рукой.
Но тот червяк он в мой покой

Погибелью своею вторгся.
И та ушла — одни расстройства.

Стою и мыслю философски:
Ведь бог всех любит по-отцовски.

Вдруг я неловкостью своей
Вмешался в тайный ход вещей.

И рвется некая цепочка:
Не даст потомства дождевик,
А через годы этот миг
Предстанет катастрофой.
Точка.

13.09.06

Мальчик писает на снег

Мальчик писает на снег
Белый и пушистый.
Мальчик писает на снег
Первый, самый чистый.

Он смеется, нос задрав
В голубое небо.
Глаза слепит Солнца сплав.
Мир, как сказка-небыль.

Жизнь, малыш, вся впереди
Поле белым-белым.
След оставишь? Наследишь?
Вот шажок твой первый.

Шумной стайкой воробьи
Облепили ветки.
Мальчик вздрогнул, от земли
Пар поднялся терпкий.

Я ухожу, мне дома не сидится

Я ухожу, мне дома не сидится.

Я в парк осенний, выстланный листвой,

Иду, как прежде, чтобы насладиться

Пронзительной вечерней тишиной.

Накрапывает дождик. На асфальте

Дождинки морщат в лужах облака.

Нагие деревца — красавицы на злате,

Стоят высокомерные слегка.

Осень в городе

Все нараспашку летнее кафе.
В него бесцеремонно входит Осень.
Кружится лист в хрустальной синеве.
На стол ложится, будто что-то просит.

Стальными пиками суровый строй оград,
Пленит бесстрастно липы и осины.
Невольницы стыдливо свой наряд
Снимают на ветру. Клаксоны рвут машины.

В игре контрастов потаенный мир.
Гравюру полдня пишут светотени.
Над венской булочкой пернатых шумный пир
И мусор улиц мечется в смятенье.

Гремит трамвай железной сатаной.
Крылами машут шиферные крыши.
Девчонок каблучки стучат по мостовой.
В витринах мир бежит. Прохладой Осень дышит.

Здесь женщины без юбки и без блузки

Жизнь дачная размерена до скуки,
Однако есть и радости свои:
Здесь женщины без юбки и без блузки.
Ну, се ля ви.

Цветет жасмин, цветки жасмином пахнут.
А чем еще? Жасмин ведь не сирень.
Любимая пропалывает грядку.
Июньский день.

Настырный хмель добрался до балкона,
Годечии, как розовый пожар.
Купальник на любимой лишь условно.
Пикантно мал.

Пион склонил бутоны на тропинку,
Анюты глазки смотрят снизу вверх.
Любимая опять прогнула спинку.
Как сладок грех!

Ирис в жабо чванлив, высокомерен,
Ромашка местечкова и проста.
Пейзаж с любимой в целом неизменен.
Эх, красота!

Кукушка сотню лет накуковала
И дальше продолжает куковать.
Сто лет для счастья, вроде бы, не мало.
Что ей соврать.

Цветет жасмин, цветки жасмином пахнут.
Орех по саду мягко стелет тень.
Любимая пропалывает грядку,
Который день,
 который день.

Я родился сегодня, Осенью

Я родился сегодня, Осенью,
Когда липы гаснут, как лампадки,
Когда купол неба, как церковный
Весь расписан ликами святых.

Я родился с хором певчих ветров.
Я родился в золоте соборном,
Под кадилом месяца седого,
На просторах Матушки Руси.

Кого оплакивает ночь?

Кого оплакивает ночь?

Окно в слезах

В лицо мне смотрит скорбно и печально.

И зреет, чувствую, набат в колоколах

По жизни, что так глупа и случайна.

Поплачь, поплачь истерзанное небо,

Над миром неусопших горько плачь.

Ведь над жрецами огненного Феба

Всегда стоит невидимый палач.

Мы, обреченные, поверив в неизбежность,

Горим огромным жертвенным костром,

По жизни, расточая боль и нежность, —

У вечности мгновения крадем.

И сегодня мы гладиаторы

И сегодня мы гладиаторы
Шутка случая — жизнь и смерть.
Мир — арена амфитеатра.
И пути к отступлению нет.

Все цветисто, как платье кокетки.
Смерти в тон — ритуала брошь.
И не важно, что вырос в клетке,
Важно то, что свободным умрешь.

Мир плывет, только рев арены.
Нож у горла — и гомон стих.
Вот и вечность.

Бездонное небо.

Палец вниз.

...Я один из них.

Люди из прошлой жизни

Люди из прошлой жизни,
Те, кого с нами нет.
Будто с укором смотрит
На меня со стены портрет.

Знаю пред ним виновен.
Все некогда, все дела.
К могилке, где дед похоронен,
Тропинка давно заросла...

31.10.07

День рождения

Снова осень, хмурая осень.
Я родился в багрянце листвы,
Когда кротко природа просит
Погрустить об утрате мечты.

Погрустить о нерадостном счастье,
О большой и недолгой любви.
Боже! Осень! Пусть день ненастный,
Я родился — благослови.

А первый дождь, как первый снег

А первый дождь, как первый снег,
Как первый поцелуй.
Он первый, он дороже всех,
Всех предстоящих бурь.

Я встречу летнюю грозу,
Осенние дожди,
Но эту робкую слезу
Мне через все нести.

Из тучи, силой наливающейся в бури

Из тучи, силой наливающейся в бури,
Как с полной, спелой женской груди,
Закапал тихо теплый дождь.
И полноту свою уже не в силах превозмочь
На землю небо выплеснулось ливнем,
Чтоб напоить все жаждущие нивы,
С надеждой и мольбой протянутые рты.

Я преклоняюсь пред тобой высокое призванье
Великой Материнской красоты.

Вот первый утренник. Туман

Вот первый утренник. Туман
Осел и превратился в иней.
В узорчатом сплетении линий
Сюжетов сказочных обман.

Лес карамельный, а сосна,
Как будто сахарною пудрой
Присыпана. В природе мудрой
Рука творца во всем видна.

Хрусталь подсвечен синевой.
Стерня топорщиться щетиной.
В преддверии зимы строптивой
Все — безмятежность и покой.

Русская зима

Метель пришла. Завьюжило,
Сугробы намело.
Легло на окна кружево.
Накрыла ночь село.

В деревне печки топятся.
Зажегся в окнах свет.
Снежок летит, торопится
Засыпать санный след.

В загоне овцы блеют.
Копытом лошадь бьет.
В избушке за куделью
Веретено поет.

Сутулый месяц старый
Плутает в облаках.
Притихнув, спят амбары
И скирды на лугах.

Собаки лаем звонким

Пугают тишину.
Стал звездный мишка робким
И прячется в копну.

Лохматой белой шапкой
Укрыл снежок дома.
Приходит доброй сказкой
К нам русская
ЗИМА.

08.07.2016

Снежинки

Я выйду, встану в снегопад,
Чтоб в мириадах звезд пушистых
Мир встретить первозданно чистый,
Одетый в свадебный наряд.

Их жизнь полёт, их жизнь паренье.
На землю лягут, как на дно,
Им так судьбой отведено:
Одно
Короткое, крылатое мгновенье.

Настроение

День умирает.

Вечер.

Ветер играет

Реквием.

Деревья встают

Торжественно.

Луна выплывает

Женственно.

Под этой луной родится

И кто-то умрет,

Уставший.

С солнцем Вчера

Проститься,

О завтрашнем мечтавший.

День гаснет, как старая лампа.

Еще раз до нового Завтра.

Деревья стоят торжественно,

Луна проплывает женственно.

Я разгребаю полночь,

Как ворох упавшего сена.

И звездная прелесть, как горечь.

Скверно.

Как миг остановить?

Как миг остановить?

Неповторимость мира в этот миг:
Паренье голубей над серой крышей дома,
И это небо, ставшее седым,
Вчера еще по-детски голубое.

Не повторятся краски нынешнего дня,
И не вернется трепет прошлой ночи.
... Я девочку люблю из января.
Она осталась жить в нем, между прочим.

Екатеринбург — Москва

Под монотонный стук колес
Звенит в пустом стакане ложка.
Вот часть России за окном
Так сиротлива и неброска.
Сменяя зелень стройных елей,
Мелькнет заброшенный погост.
У вымирающей деревни
Последний, видимо, форпост.

Дома убогие, сараи
И шифер крыш, поросший мхом,
В глазницах окон тень печали,
Березы машут вороньем.

Безлико, серо и уныло,
Все безысходность и тоска.
Ведать, Россия пережила
Свои великие века.

Пейзаж безрадостный наводит
На мысли грустные вдвойне:
Куда моя страна уходит,

Непобежденная в войне?

Могучий исполин — Россия
Питалась соком деревень,
Но вот и их иссякла сила,
Колосс остался без корней.

Дух угасает. Сердце жжет
Сермяжная, хоть горько, правда,
Что вымирает наш народ,
Уйдет величие в преданье.

Все чаще речь иных слышна.
Мы станем новым Вавилоном.
И рвется в лоскуты страна
Под чуждым мировым законом.

«Умом Россию не понять».
В гроб собственный мы гвозди били.
Кому же нам теперь пенять,
Что мы Россию погубили.

Здесь запустенье, безнадега,
А там, в шальной столице пир.

И пьяной колесой дорога
Ведет деревню в «лучший мир».

Бесплодны жены и мужья,
Не породят на свет потомство.
Пожить мечтаем для себя
И в ком же ищем вероломство?

Живем мы как в последний раз,
А после стань все трын-травой.
Но к покосившимся крестам
Заросшей кто придет тропой?

12.10.06

Русь

Изнежены и хрупки орхидеи,
С тревогою взирают сквозь стекло
На мир, в котором снежные метели
Мазнут по черному — и траурно светло.

Вот так же для кого-то и Россия
Из-за окна тревожна и страшна.
Пугающая дерзкая стихия —
Загадочная русская душа.

Мы любим Осени задумчивую грусть,
Зимы покой и умиротворенье.
Весна — полет мечты, надежды — жизни суть.
И снова Осень, снова грусть, сомнения.

Поблекшей амальгамою Луна.
Гирляндой звезды меж нагих ветвей.
И вязкая ложится тишина
В оцепенение озябших тополей.

Там в сумраке сыром таинственного бора,

Где оборотни с лешими чудят,
Кроваво светит шапка мухомора,
Пожаром красит облака закат.

Глядятся в воду ивы у затона.
Волною у погибельных болот
Осока вздрогнет и замрет от стоны ль,
От плача ль детского, который в глушь зовет.

Седает в августе беспечный Иван-чай,
Ночная свежесть дышит звездопадом;
Пугает тишину собачий звонкий лай,
И обрывается, оставив ночь цикадам.

А за околицей стеной чертополох,
Пыль бездорожья облаком клубится.
Набат колоколов и позабытый Бог
Зовут покаяться и о душе молиться.

Лазурью красят небо васильки,
Фатою белою ромашковое поле.
Мир этот наш, и мы ему близки,
Своею плотью, кровью, страстью, болью.

А наше лихо дремлет в буреломе,
В холмах, лугах, шальном разливе рек.
Народ же наш все время на изломе
Эпох, веков, кровавых черных вех.

Как часто мы живем одним мгновеньем,
В которое вмещается вся жизнь.
Мир потрясти мы можем вдохновеньем
И на руинах вознести: «аминь»!

Открыты мы перед людьми и Богом,
А на миру, нам даже смерть красна.
Русь жертвенна, велика и убога.
И вечно ждет пришествия Христа.

30.10.06

Муза Эрато

Молюсь божественной Эрато,
Прелестной и капризной даме,
Молюсь. Когда душа распята
Я вижу смысл в суровой карме.

Чудесен мир, в нем много тайн.
Во всем творца незримый гений.
Неповторим восторг мгновений,
Когда срываем эту ткань.

Когда под зыбкою личиной,
Мы открываем естество.
Волшебна платье у любимой,
Но взгляд мой словно воровство

Того, что тщательно скрывает
От любопытных дерзких глаз,
Что грезы нежные питает,
Что сна лишает в поздний час.

Я поклоняюсь ей за то,

Что мне дарует счастье видеть,
Любить, терпеть и ненавидеть,
И право взяться за перо.

04.03.07

Прозябать, не зная рая

Прозябать, не зная рая,
Обреченный навсегда,
Вдруг узнал я, есть другая,
Не безгрешная стезя.

Мне открылись горизонты
Неизведанной земли —
Эти бездны и высоты
Оглушительной любви.

15.01.07

Я тебя не искал на огромной планете

Я тебя не искал на огромной планете
Ты вошла в мою жизнь, будто солнце в окно.
Я не ждал ни кого и не сразу заметил,
Что в душе у меня необычно светло.

Ты в награду себе ничего не просила,
Одаряла теплом, унимала печаль.
В твоих хрупких руках — чудотворная сила,
В твоих кротких глазах — бесконечная даль.

Но я должен идти. Я боюсь упоенья.
Я все время бегу, даже сам от себя...
А к тебе я вернусь умолять о прощенье,
Ну, а ты, как всегда, пожалеешь меня.

На школьной вечеринке

Живот холодный стих, податлива резинка.
Все замерло предчувствием грозы.
Вот капля первая — невинности слезинка —
Проплакала в стекло. Тревожно бьют часы.

В соседней комнате нетрезвое веселье.
Слепым котенком, ищущим сосок,
Не можем встретиться, на грани поражения...
Гром грянул. Хлынул дождь.
Толчками миг истек.

Письмо

Письмо закончила: «Целую»,
А мне вдруг как-то зябко стало,
Мне показалось, ты другого
Недавно нежно целовала,

А мне черкнула по привычке,
Чтобы пока не ставить точки
Над всем, где царствуют кавычки
И недописанные строчки.

Ну что ж, я очень понимаю,
Как трудно ждать, любить и верить,
И как тоскливо провожать
Дожди и зимние метели.

И сердце тоже ждать устало,
И просит чуточку согреться,
А к той руке, что приласкала,
Идет доверчиво по-детски.

И все ж, любовь свою даря,

Как розы воскового сада,
Ты больше не целуй меня
В конце письма, прошу, не надо.

Уходят женщины

Уходят женщины с упреком, со слезами,
Уходят тихо, с грустью, как закат.
И остаются сны с красивыми руками,
И локонов пьянящий аромат.

Она мне скажет: «Я устала, милый,
Устала ждать, надеяться, любить,
Что ж, видно, не судьба, не родилась счастливой,
А год ведь летят, и как-то надо жить...»

Уходят женщины в багряные рассветы,
Уходят в Осень, в раннюю Весну,
Обиды унося, прощают все на свете:
И первый дождь, и первую росу.

Я в след гляжу им, словно белым птицам,
Что улетают в теплые края,
Которым никогда не возвратиться,
Которые оставили меня.

Уходят женщины. Вдруг сердце больно сжалось.

Уходят женщины. Остаться не молю.
Моя любимая выходит завтра замуж.
...Я плюшевого мишку подарю.

Мы изменяем

*(текст песни совместно
с композитором С. Парамоновым)*

Ну в чем разгадку нам найти?
В пороке, похоти иль страсти?
Что сквозь года не в нашей власти
Любовь и верность пронести.

Привычка, может быть, разводит;
Где был костер — уже зола.
И покрывает небо мгла.
Любовь приходит и уходит.

Мы изменяем, изменяем,
То мимоходом, набегу,
То с увлечением играем
В одну азартную игру.

А губы мягкие твои,
Что в кровь меня исцеловали,
Так страстно, странно замирали
На чьей-то вздыбленной груди.

А тот, другой, совсем случайный,
И непонятно почему
Ты страстно отдаешь ему
Наш нежный поцелуй прощальный.

А те, для шёпота слова,
Я верить им не перестану
И в них ведь не было обману.
Но почему — ему слова?

А твои руки, руки, руки,
Как крылья белых лебедей,
И вокруг шеи не моей
Обвиты — вот венец разлуки.

Но вот и я к другой иду,
Чтоб заключить в свои объятия,
А надо мной укор распяты,
Когда тебя я предаю.

Я знаю, вновь к тебе вернусь,
А сердце больно так сожмется
И как змея в кольцо свернется.

В любви, как прежде, поклянусь.

И снова руки, руки, руки,
И те, для шёпота слова,
Но будешь ты в душе жива,
Змеей свернувшись, боль разлуки.

Любила ты, и я любил,
Но изменяем, изменяем,
Еще немного разменяем —
Да се ля ви — чего ж хотим?

Любить! Любви! Все канет в Лету!
Иного не дано пути!
И карнавальным конфетти
Сорим мы мелкую монету...

Мы изменяем, изменяем,
То мимоходом, набегу,
То с увлечением играем
В одну опасную игру.

Любовники (женское)

Жену с детьми отправил к маме.
Мне написал: Люблю и жду!
Я побегу, и как в тумане
Чужое счастье украду.

Для своего я у подруги,
Или в салоне красоты...
Любовь и грех в порочном круге,
И тают как мираж мечты.

Я всех счастливее на свете!
Но жжет в груди и в горле ком.
С цветком меня любовник встретит.
Вино, постель, а что потом...?

7.12.2019

Любить — великое счастье

Любить — великое счастье.

Но жизнь — скупой ростовщик,
За безумства, неистовство чувств
просит воздать с лихвою.
Я знаю, что завтра пойду
с пустой облетевшей душою.
Женщины, множество женщин
разойдутся с кусками моего сердца.

Одна, поблекшая,
унесет последнюю ярость моих судорог,
Другая, как выцветший бант, —
мой дохленький поцелуй.
И вот, наконец, я пуст.
Сердце гулко стучит,
Как колеса поезда,
Куда-то летящего в ночи.

Промелькнуло и Лето,
с ярмарочным балаганом,
И лихим галопом
бесстрашных карусельных наездников.

Вот и Осень.

Она тоже отлюбила, отмечтала,
Она грустно приходит
с прощальным криком белых журавлей.

Я тебе прощаю все разлуки

Я тебе прощаю все разлуки
И при встрече даже не корю,
Просто поцелую нежно руки,
И их ласку с кем-то разделяю.

Пусть все так. Нам никуда не деться.
Ищем встречи, любим не любя.
Верил я, что можно обогреться
У любого яркого огня.

От чего же на душе смятенье?
В доме одиночество стеной.
Жду звонка — волшебного мгновенья,
Только бы услышать голос твой!

Паранойя

Как в шальной моей голове
Поселилась без спроса женщина?
Каждой ночью приходит во сне,
А весь день просто наглая бестия.

Если долго молчит телефон,
Значит, с кем-то садиться в машину,
Чтобы мне рассказать потом,
Как ходила по магазинам.

Говорит, я у ней один,
Смотрит искренними глазами:
— Что такого, с мужем чужим
В лес поехала за грибами.

А в моей голове в бреду
Его страстно и нежно ласкает.
— Муж подруги! Несу ерунду.
Что за ревности — не понимает.

Вот вспорхнула легко как птичка,

Старый друг поманил опять.
— По работе ж, и что за привычка
К столбу каждому ревновать.

В голове лукава, беспутна,
А при встрече нежна и скромна.
Где была, обо всем поминутно
И подробно расскажет сама.

Видно, что-то с моей головой,
Эта женщина непорочна.
Ей претит быть разгульной шальной,
... но она изменяет мне.

Точно!

25.08.06

...И ног волнует белизна

В моей руке ладошка потная,
Слова лежаться невпопад.
Ты хохотушка беззаботная,
И я смеюсь, чему-то рад.

Еще не знаем, как все сложится —
Неискушенные в любви.
Живем надеждой — все исполниться
О чем мечтали до зари.

Волнует рук прикосновение.
И губы с чистого листа.
Прижаться локтем — упоенье,
А поцелуй — уже мечта.

Еще неведомо коварство.
Еще так помыслы чисты.
И верим в мир, который царство
Любви, добра и красоты.

Дурачимся. Тебя на спину

Роняю в шуточной борьбе.
И вдруг я ощущаю силу
В твоей податливости мне.

Распахнут ситцевый халатик,
И грудь слегка грудь обнажена,
Прическу не спасает бантик,
И ног волнует белизна.

Я сердца чувствую биенье,
И тела сладкое тепло.
Так близки губы, что мгновенье...
Ах, сколько лет уже прошло.

Ликую — гордый победитель,
Вдруг понимаю — побежден.
Поздней — любовник, искуситель —
Растерян, робок и смущен.

И замираем в ожиданье
Мы от неловкости моей.
Мы дерзко прикоснулись к тайне,
Но страшно, страшно — что за ней?

Я трепет этого мгновенья
Несу сквозь жизнь. И сколько раз
Меня дразнило сожаленье
За неиспользованный шанс.

С годами стал грубей, циничней,
Но глаз ее бездонных синь —
Родник, в котором романтично
Я черпал чистоту всю жизнь.

28.09.06

Ноктюрн

Плачет осень. Горькие дожди.
Серый город мокнет как бездомный.
Торопливо в ночь бегут шаги,
Лишь на миг тревожа омут сонный.

Я хрупкую лелею тишину,
В ней каждый звук, как будто в обрамление.
Он чист и ясен, видно, потому,
Что отражает сущности движенья.

Я слушаю, мне дорог каждый звук,
Весь мир напрягся болью ожидания:
Визг тормозов? Парадной двери стук?
И лифта обреченное молчанье.

И телефон услужливо готов
Взорваться долгожданной звонкой трелью.
...Но ночь бежит за стрелкою часов,
И ясно мне, что мы расстались с нею.

Ты не придешь. И цокот каблучков

Не отзовется в сердце ровной дробью.

И я свободен от твоих оков:

От губ, от рук... Но что мне делать с болью?

Недоступна она...

«Недоступна она, недоступна», —
В трубке вежливый голос твердит.
Ты уехала в летнее утро,
Ну а я словно брошен, забыт.

Вдруг я стал никому не нужен,
И капризно молчит телефон.
Был во вторник чудесный ужин.
Я не знал, что прощальный он.

А сегодня ты недоступна.
Как в бреду я в щемящей тоске.
И волна, как бы только попутно
Гладит имя твоё на песке.

Я не думал, что это награда,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.